
ХОЗЯЙСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ СИБИРИ В ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Н.Н. БЫКОВА

ВЛИЯНИЕ ЛИЧНОСТИ СМОТРИТЕЛЯ НА КАТОРЖНЫЙ РЕЖИМ В АЛЕКСАНДРОВСКОМ ЦЕНТРАЛЕ

Для обеспечения порядка и поддержания жесткого тюремного режима в Александровской центральной каторжной тюрьме 18 ноября 1873 г. был составлен и утвержден штат тюремных служащих в соответствии с «Общей тюремной инструкцией». Возглавлял штат тюрьмы — смотритель, который назначался по представлению Иркутского губернатора генерал-губернатором Восточной Сибири.

Должностные обязанности смотрителя тюрьмы утверждают, что «он руководит всеми действиями чинов тюремной администрации и стражи вверенного ему тюремного учреждения, причем эти чины ему непосредственно подчинены во всем, и заведует лично важнейшими частями внутреннего тюремного распорядка и тюремного хозяйства, отвечая при этом за все упущения и неустройства в этих частях» (*Общая тюремная инструкция. СПб., 1912. С. 6*).

Смотритель тюрьмы должен был отвечать за соблюдение правил приема, размещения, за караул и содержания арестантов; обязан, по возможности, знакомиться с личностями всех заключенных, в особенности, долгосрочных. Данная должность обязывала человека, занимавшего ее, быть практически полным распорядителем во вверенной ему тюрьме. В его обязанности входило ближайшее управление тюрьмой. И хотя считалось, что наиболее важные вопросы были в компетенции Комитета тюрьмы и рассматривались коллегиально: смотрителем, его помощником, врачом, священником и экономом, но фактически многие важные вопросы решались именно смотрителем тюрьмы. Поэтому существовавший каторжный режим в тюрьме в определенной степени зависел от личности человека, занимавшего этот пост.

История Александровского централя знала, по крайней мере, пятерых смотрителей. А.П. Сипягин заступил в эту должность с 1874 г. и прослужил до 1901 г. После него смотрителем каторжного централя становится И.И. Лятоскович. А далее сменяют друг друга в 4-х и 5-ти летних промежутках Ф. Савицкий (1906–1910 гг.), И.С. Снежков (1910–1915 гг.) и Н.К. Никитин (1915–1917 гг.). Информации относительно смотрителей Александровского централя сохранилось мало, а в воспоминаниях быв-

ших каторжан этой тюрьмы характеристик на них практически нет, редко встречаются отдельные краткие сведения. Так, редактор журналов «Сибирский сборник» и «Восточное обозрение» И.И. Попов был лично знаком с такими идеалистами-тюремщиками, как А.П. Сипягин и И.И. Лятоскович. «Таких тюремщиков, какими были А. Сипягин и И. Лятоскович, после 1906 г. уже не было, и былая слава Александровской тюрьмы потухла; сама же тюрьма стала обычной каторжной тюрьмой с карцерами, холодильниками, розгами и вообще с тюремным режимом. А еще сравнительно недавно, лет 30–35 тому назад, здесь все было по иному. И это «иное» продолжалось не год, не два, а 20 лет» (*Попов И.И. Забытые иркутские страницы: Записки редактора. Иркутск, 1989. С. 20*). Смотритель Александровской тюрьмы произвел приятное впечатление и на Дж. Кеннана, который путешествовал по Сибири и побывал в с. Александровском. В своей работе, он отзываясь о зрителе следующими словами: «Господин Сипягин, симпатичный, интеллигентный и образованный офицер, лет 35–40, принял нас с сердечным радушием» (*Кеннан Дж. Сибирь!: Перевод с нем. без сокращений. СПб.: Изд-во М.В. Пирожкова. Т. 2. С. 179*).

После назначения А.П.Сипягина на должность тюремного инспектора, смотрителем Александровской центральной каторжной тюрьмы стал И.И. Лятоскович, который продолжал тюремную политику своего предшественника. И.И. Лятоскович родился в Польше, был участником польского восстания 1863 г., в результате чего был сослан в Сибирь и на себе испытал порядки и режим российских тюрем. При первой же возможности он поступил в тюремное ведомство с единственной целью — облегчить участь заключенных.

С появлением таких людей на должности зрителя тюрьмы изменялся режим в тюрьме: пенитенциарная система, главным образом выполнявшая карательную функцию, была в значительной степени заменена тенденцией исправления каторжан. Поэтому розги, кандалы, карцеры исчезли. В тюрьме были организованы работы, что в известной степени облегчило участь арестантов. Кроме того, «пища и одежда каторжан были так хороши, что им завидовали даже крестьяне» (*Попов И.И. Указ. соч. С. 21*). В этот период времени была открыта школа, устроен театр силами арестантов, и еще оркестр, что вносило значительное разнообразие в среду существования «кадетов», — так ласково называл каторжан А.П. Сипягин. «Бывая в Александровской тюрьме, ночуя у И. Лятосковича, я слушал игру на скрипке. С его артистической внешностью, длинными с проседью волосами, с великолепной скрипкой в руках, совершенно не вязалось звание тюремщика-смотрителя» (*Там же. С. 23*).

Однако, преклонный возраст И.И. Лятосковича и появление значительного числа арестантов, осужденных по политическим статьям Уголовного Уложения (УУ) и Свода Военных Постановлений (СВП) потребовало замены столь старого и либерального зрителя. На смену

ему пришел Ф. Савицкий. Спустя несколько дней, после его назначения, тюрьма стала заполняться политическими каторжанами, в большинстве своем участниками «явных восстаний», так значилось в статейных списках арестантов в графе обвинения. И, тем не менее, еще до второй половины 1907 г. режим в Александровском центральном исправительном учреждении отличался большими вольностями. Ф. Савицкий действовал очень осторожно и кокетничал с «политикой», допуская некоторые отступления от тюремных инструкций. С 1909 г. отношения между тюремной администрацией и политическими каторжанами складываются на уровне компромиссов по ряду вопросов. Такие отношения тщательнейшим образом скрывались от вышестоящих начальников, но давали, с одной стороны, соблюдение обязательств корректного обращения с тюремными служащими, а с другой — некоторые льготы для политических каторжан (например, возможность жить отдельно от уголовников, иметь финансовые накопления, соблюдение графиков вывода каторжан на внешние, хозяйственные работы и др.). И даже прокатившаяся волна репрессий 1910–1912 гг. не смогла полностью искоренить традиций заключения компромиссов между тюремной администрацией и политическими каторжанами.

Начальник Главного тюремного управления А.М. Максимовский стал издавать циркуляры, из которых «веяло прохладой». На основе этих документов законник Ф. Савицкий, с характерным ему хладнокровием и настойчивостью, стал проводить намеченный курс «закручивания тюрьмы». В воспоминаниях бывшего политкаторжанина М.М. Константинова есть суждения о личности Ф. Савицкого: «По первым же шагам можно было судить о Савицком, как о начальнике, который, во-первых, питает к революционерам вообще и к политическим заключенным в частности, весьма неприязненное чувство; во-вторых, питает большую страсть к букве закона, в-третьих, наконец, обладает независимым и весьма настойчивым характером. Эти качества определили на время службы в Александровском центральном исправительном учреждении Ф. Савицкого к политкаторжанам и условия их содержания» (ГАИО. Ф.р. 1406. Оп. 3. Ед.хр. 214. Л. 84).

Поэтому в это время политкаторжан стали сажать в карцер и за незначительные проступки, заковывать в цепи, наиболее непокорных определяли в одиночки. И несмотря на это, подчеркивает И. Криворуков «вообще Савицкий проявлял к заключенным относительную гуманность, за что его крайне невзлюбили руководящие сферы» (Криворуков И. *Борьба с «иванами» в Александровской каторге // Каторга и ссылка. 1928. № 10. С. 93*). И.С. Снежков, сменивший Ф. Савицкого на должности смотрителя Александровской центральной каторжной тюрьмы, продолжал политику «завинчивания», но в отличие от начальников других тюрем, он делал это умно, без особых зверств. По отношению к «политикам» он не применял избиений, порок и других зверств, практиковавшихся почти во всех тюрьмах России. «Безусловно очень неглупый от природы человек, но крайне

нервный и неуравновешенный, И.С. Снежков был строг, часто до самодурства с уголовными. И в тоже время умудрялся проявлять либерализм в отношении политзаключенных» (*Краковецкий А. Военное дело на каторге // Каторга и ссылка. 1922. № 4. С. 109*). Он методично «завинчивал» тюрьму, но при этом старался не раздражать политкаторжан крутыми мерами, проводил политику «очковтирательства» по отношению к высшему тюремному начальству. Когда в Александровскую тюрьму приезжали представители этого начальства, то И.С. Снежков приказывал надзирателям убрать из камер все, что свидетельствовало о каких-либо уступках с его стороны «политике». С ней он предпочитал жить в мире, зная по опыту, что попытка полностью уничтожить в тюрьме все завоевания предыдущего периода вызовет со стороны сплоченных политиков отчаянное сопротивление. А управление громадным тюремным хозяйством давало возможность администрации получать большие доходы. Поэтому И.С. Снежков старался управлять тюрьмой, по возможности без всяких историй.

С середины 1915 г. смотрителем Александровского централа был назначен Н.К. Никитин. Он пытался, было кое-что изменить в сторону ужесточения режима. Однако встретил мощное противодействие со стороны политзаключенных и вскоре отказался от этого. Он стал продолжать политику оставленную ему в наследство бывшим смотрителем.

В воспоминаниях бывшие политкаторжане отмечают существование в Александровском централье более «мягкого режима» нежели в других каторжных центральях (*Ветошкин М. Странички революционного прошлого // Каторга и ссылка. 1930. № 2. С. 11; Соболев А. На каторжном пути. М.: Гос. изд-во, 1924. С. 27–28; Ульяновский В. Записки вечника. М.: Изд-во Всесоюз. об-ва. п/к и с/п, 1930. С. 27; Фабричный П. Грамота и книга на каторге // Каторга и ссылка. 1922. № 3. С. 193*). Как и в других тюрьмах, в Александровском централье непрерываемыми руководящими распоряжениями в отношении режима были распоряжения высшей правительственной власти, в частности и в особенности — высшего тюремного начальника, — Главного тюремного управления. И хотя режим в основном оставался повсюду один и тот же, от их усмотрений, от степени их политического разумения и преданности своему высокому начальству, зависели всевозможные вариации в режиме, без коренного извращения его направленности. В одних тюрьмах щегловитовско-хрулевская система расправлялась с арестантами такими средствами, как порки, увечья, убийства и пр. Тому примером были тюрьмы в Вологде, Зерентуе, Кутомаре, Орле. В других тюрьмах эта же система и задача физического и идейного подавления каторжан, в том числе и политических каторжан, как политического врага, проводилась несколько по-иному, — не так открыто и рискованно для администрации. Таким примером могла служить Александровская Центральная каторжная тюрьма. От распоряжений высшего начальства зависело основное, общее, существенное, от смотрителей тюрем — детали, формы.

Только на фоне кровавой драмы, разыгрывавшейся более десятилетия в большинстве каторжных тюрем — с убийствами, порками, с отчаянными попытками массовых прорывов для побега, с голодовками и самоубийствами каторжан, — режим Александровского централи может казаться мягким. Только «безумие и ужас» Зерентуя, Кутомары, Орла и других тюрем этого времени, создавали впечатление весьма либерального режима в Александровской центральной каторжной тюрьме. Такое мнение существовало и среди каторжан: «Александровский централ «обратники» хвалили» (*Ульянинский В. Записки вечника. М., 1930. С. 27*).

Г. П. ВЛАСОВ
Н. Г. ВЛАСОВА
Л. Г. ВЛАСОВ

ТРАНССИБ В МИРОХОЗЯЙСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ

В конце XIX–начале XX вв. Сибирь представляла собой отсталую окраину России с немногочисленным населением, слабо развитой промышленностью и торговлей. Отсутствие современных путей сообщения создавало определенные трудности в развитии экономики региона в виду его большой территории.

В 1857 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев-Амурский поставил вопрос о строительстве железной дороги на сибирских окраинах России. Он поручил военному инженеру Д. Романову провести изыскания и составить проект сооружения железной дороги от Амура до залива Де-Кастри. В 50–70-х гг. XIX в. русские специалисты разработали ряд новых проектов строительства железных дорог в Сибири, но все они не нашли поддержки у правительства, которое лишь в середине 80-х гг. XIX в. приступило к решению вопроса о Сибирской железной дороге. Было много предложений и от иностранных предпринимателей. Но правительство России, опасаясь усиления иностранного влияния в Сибири и на Дальнем Востоке, отклонило предложения иностранных капиталистов и их промышленных компаний и решило строить дорогу на средства казны.

Первый практический толчок к началу сооружения грандиозной магистрали дал император Российской империи Александр III. В 1886 г. на отчете иркутского генерал-губернатора государем была наложена резолюция: «Уж сколько отчетов генерал-губернаторов Сибири я читал и должен с грустью и стыдом сознаться, что правительство до сих пор почти ничего не сделало для удовлетворения потребностей этого богатого, но запущенного края. А пора, давно пора». И в этом же году, ознакомившись с мнением А. Н. Корфа о значении железной дороги для дальневосточных областей, Александр III приказал «представить соображения» по поводу подготовки к строительству стального полотна.